

Для моего поколения — тех, кто родился в 60-х, имя актрисы — пустой звук. Между тем, если ее имя назвать любому мужчине «за пятьдесят», обнаружите (при условии, что это настоящий мужчина) гамму самых неожиданных эмоций и услышите, что более восхиительной женщины он в жизни не видел и что о Татьяне Окуневской мечтали ну буквально все мужчины Советского Союза. Фильмы с ее участием «Майская ночь», «Горькие денечки», «Александр Пархоменко», «Ночь над Белградом» принимались восторженно, не менее были знамениты и спектакли в Театре имени Ленинского комсомола, где она играла, в особенности «Сирано де Бержерак», после которого Окуневская Роксана всякий раз получала корзину с фантастическими для Москвы черными розами — от неизвестного поклонника. Она была поистине одной из самых обольстительных женщин страны. Но недолго Татьяна Окуневской суждено было покорять публику и блистать на элитных балах послевоенной Москвы. В 1948 году актриса была арестована.

Окуневская Т.

— За что, Татьяна Кирилловна?

— Официально — по статье 58 10, антисоветская агитация. «Шили» мне и шпионаж — и в военное, и в послевоенное время. Но это, конечно, была полная чушь. Ни когда в своей жизни я не читала газет и совершенно не интересовалась политикой.

— Молва гласит, что вы были арестованы за роман с Писопом Броз Тито, лидером братской Югославии. Вы слышали об этом?

— Что значит слышала?! Роман был. Тито делал мне предложение.

Сразу после войны я отправилась в Югославию — с концертами. Тогда только что вышел мой фильм «Ночь над Белградом». Принимали меня потрошечно. В аэропорту, увидев толпы людей, я сначала даже не поняла, что все они встречают меня. А потом повсюду я обнаруживала множество своих портретов, рядом с портретом Тито, только размером поменьше. Объявляла всю страну и выступала с огромным успехом. Конечно, я была не бог весть какая актриса, но уж очень было успешно совпадение с этим фильмом и эффектная песня, которую я исполняла. В картине происходит следующее: я пою партизанский гимн, фанаты врываюются на радиостудию и убивают меня — я умираю, не допев. А для выступления на концертах я придумала так. Перед этой песней я прятала в рукаве шарфик из шифона, алого, как кровь. И, начиная последний куплет песни, я хваталась за сердце, а на последней строке «В бой, славыне, зоря вперед!» выхватывала этот шарфик из рукава и начинала им размахивать. Зал просто сходил с ума от восторга. Меня окружали толпы поклонников, до гостиницы провожали с полицией.

Последним городом в моей программе был Белград. Здесь я выступала в знаменитом зале «Коларчева», очень красивом, с великолепными красными, отделанными золотом креслами. Успех превзошел все мои ожидания. В «Коларчеве» на концерте присутствовал Тито со своим штабом.

После этого концерта Тито во дворе устроил прием. Для меня одной. То есть там был весь его генералитет и единственная женщина — я. Для тогдашних нравов солдаты это было совершенно неслыханно. На приеме Тито держался со мной очень любезно и галантно.

Затем, через три месяца, Тито приехал в Москву. Устроил роскошный прием — «Метрополь» — на нем присутствовала вся элита — и пригласил меня танцевать. «Это единственная возможность поговорить», — сказал Тито. И затем я услышала, что он хотел бы на мне же

питься, но сейчас этого сделать не может, поскольку я иностранка и это осложнит положение в его стране. Но со временем это обязательно произойдет. Тито сказал, что на его родине, в Загребе, построят для меня киностудию и там будет все, как я захочу. Но самое главное — я должна дать согласие приехать в Югославию сейчас, потому что он не знает, что произойдет дальше.

— Что же вы ответили?

— Ответила я очень хорошо. «Знаете, маршал, — сказала я, — у меня идея. Передайте-ка лучше вы к нам, и мы подыщем вам хорошую работенку в ЦК».

— Как он реагировал?

— Смеялся.

— Тито нравился вам?

— Ну... я никогда не отпустилась к нему, безразлично. Он был интересный, эlegantный, с хорошими манерами. Опять же — чистый, умытый, это всегда отличало иностранных коммунистов от наших. Но главное — эти великолепные черные розы, которые он присылал мне на каждый спектакль — «Сирано». Разве танец может оставить женщину равнодушной?

— А ближе отношения с Тито у вас были?

— Нет. На Лубянке, под следствием, меня несколько раз спрашивали про Тито. Но не Тито, думаю, все же было причиной моего ареста... Знаете, ведь я совсем недавно прочитала свое дело. А вышло так.

Я получила по почте письмо — о реабилитации своего отца. Это через сорок с лишним лет! И позвонила по указанному телефону. А у меня постоянно получается в жизни смешная ситуация: с юности я пользуюсь успехом у кагэбэшников, вечно их вожды ко мне лапы протягивали. И я сразу, по телефону, с этим сотрудником нашла общий язык. Прихожу. Он с меня пальто снимать начал. Я говорю: «Боже мой, вы хоть предупреджайте, ведь так инфаркт можно получить, разве в КГБ так с женщинами обращаются?!» Он расхохотался. Оказался милейшим человеком — мы даже подружились, двадцать пять лет в КГБ отработал, недавно ушел.

Короче, прочитала я дела всей своей семьи. Мне плохо стало! Отца арестовали в тридцать седьмом, 24 августа. И 6 сентября уже расстреляли — за то, что был когда-то белым офицером. А я писала ему — двадцать пять лет... У бабушки вообще и дела-то не оказалось, ее просто присоединили к группе и через два месяца после ареста расстреляли. Но самое тяжелое — висцеление на меня произвело дело брата. Невыносимо было читать показания его невесты — про то, что он антисоветчик. А было ей всего девятнадцать

РОЗЫ ИЗ БЕЛГРАДА

С АКТРИСОЙ ТАТЬЯНОЙ ОКУНЕВСКОЙ
БЕСЕДУЕТ КОРРЕСПОНДЕНТ МАРИЯ ДЕМЕТЬЕВА

Сов. Материал - Запад - 1992. - 17 окт. - с 8-9

за границу? — прочий бред. Унашла я на дела и про два доноса на себя, и — кто их автор? Оба ныне здравствуют, один — известный композитор, мой родственник, другая — известная актриса, жена не менее известного кинорежиссера.

Прочитала я и реабилитационное дело, которое, к моему удивлению, оказалось даже толще, чем основное. Там — чудесные показания Серафимы Бирман, знаменитой актрисы и режиссера. Когда ее вызвали на Лубянку, Бирман (это мне следователь рассказал) изругала кагэбэшников на чем свет стоит: «Как вы смеете меня вызывать к себе открытой?! Что теперь подумают соседи? Ведь это подумают соседи? Ведь это хуже, чем пригласить в публичный дом!»

А про меня она сказала, что я дивная актриса, что меня ждуг обратно в театре и что она меня очень любит. «Единственное, что я никогда не могла простить Окуневской и не прощу, — сказала Серафима Германовна, — она никогда не носила бюстгалтера! Да! В сексе ей не было равных».

Так вот, в результате всех этих чтений у меня возникло впечатление, что истинные причины моего ареста к тому, что содержится в деле, отношения не имеют.

Было, правда, у меня одно подозрение. Однажды мой следователь — отвратительный тип, при мне полковника получил, я тогда сразу его спросила: «Убили кого-нибудь?» — так вот, во время одного из допросов бросил мне фразу: «Надо знать, кому давать пощечины!» Потом, в одиночке, я долго вспоминала. И вспомнила один эпизод.

Немцы только отошли от Москвы, и я приехала в город. Дома лопнула батарея, и комнату можно было использовать разве что для катания на коньках, и нам с мужем, писателем Борисом Горбатовым, дали двухкомнатный номер в гостинице Москва». Мы с Горбатовым часто привозили с собой куучу друзей. И вот как-то Горбатов был на фронте — я про-

да еще одна, очень странная встреча.

Наступил сорок восьмой год, мой последний. Новый год перед арестом. Наш круг встречал его в ЦДРИ. За столиком сидели Охлопков, с женой, Берсенев с Гнацинтавой и я с Горбатовым. Мы с Охлопковыми поили танцевать, — ни Берсенев, ни Горбатов танцевать не любили. И вот кружимся в зале полумрак. Вдруг что-то заставило меня обернуться. И произошло чудо: будто в лермонтовском «Маскараде», — я танцую и вижу: на меня смотрит какой-то мужчина, смотрит очень странно. Я видела за свою жизнь разные взгляды поклонников — и тех, кто и стрелялся, и вешался, — но от этого взгляда мне стало не по себе. Вернувшись за столик, я попросила Горбатову узнать, кто этот человек. Он оказался новым министром КГБ Абакумовым.

— И вы полагаете, что Абакумов решил свести с вами счеты — за ту пощечину?

— Не знаю. Но приказ о моем аресте был подписан им.

— Как вас арестовали?

— Я была на концертах в Кинищеве и заболела гриппом. Меня привезли домой с температурой сорок — Горбатов с поезда нес меня на руках. Болела очень тяжело, половина лица покрылась ужасной черной лихорадкой. В деле есть эта моя фотография — с изуродованным лицом.

Лежу я пластом, и вдруг в спальню входят какие-то люди. Я едва успела набросить на лицо марлеку — закрылась, мелькнула мысль, что какие-то знакомые с фронта. Потом гляжу, что-то уж больно по-хамски заходят. И один из них протягивает мне обрывок бумаги — треугольник, от чего-то оторванный. Там написано: «Вы подлежите аресту. Абакумов». Кстати, в деле я обнаружила, что настоящий ордер на мой арест выписан задним числом, треугольник этот был «фальшивкой». А затем мне велели одеваться — прямо при них, выйти отказались, Бежека моя старшая девоч-

седьмом. Меня не били, в принципе. Один раз хотели вести пороть, а я сказала: «Пожалуйста, только я потом удавлюсь». — «У нас не удавятся». — «А вот увидите».

Год просидела на Лубянке. Потом меня отправили в лагерь, в Джезказган. Как положено, в тельчьем вагоне. По дороге я заболела вогертом, еле выкарабкалась...

— Что в лагере для вас было самым страшным?

— Ужас, что не выдержи этого жуткого физического груза: на нас веди наваливали камни — мы строили Джезказганский канал. Иста-

ти, когда я освободилась и приехала отдохнуть в Кисловодск, мне в столовой знакомые подложили газету. Глянула, а там написано, что знаменитый Джезказганский канал построен комсомольцами и им вручается за это Красное знамя. Сукнины дети!

— А как на ваш арест реагировал муж — Горбатов?

— Тайна. Когда меня арестовали, его дома не было. Он вообще в этот день как-то странно рано и поспешно ушел из дома. Знал? Возможно, его и обманули: пообщались со мной попутать только и отпустить.

— Горбатов был влиятельным человеком — депутатом, секретарем Союза писателей. Он делал попытки вас выручить?

— Вранье. Это он сам распускал такие слухи. Горбатов сразу от меня отказался. Тут же после моего ареста его вызвал Абакумов и сказал: забудьте, что у вас была жена. Когда Горбатов после этого разговора вернулся домой, мама рассказывала, его в полном смысле слова застигивали. Он был патологически трус.

А я, еще в Джезказгане, была дура, продолжала во что-то верить. (Мне же про Горбатову ничего из дома не сообщали). И я написала ему письмо — для передачи Сталину: они с Костей Симоновым у него бывали. В этом письме я рассказывала, что творится в лагере, писала, что я ни в чем не виновата и что Абакумов — убийца русского народа. С диким трудом удалось мне это письмо переправить — я была «без права переписки». Одна «вольная» — она работала у нас в аптеке, моя поклонница — ехала в отпуск и взяла письмо мое передать. Мы договорились: когда они письмо получат, пришлют телеграмму: «Дочь сдала экзамены на отлично».

И вот получала я эту телеграмму. Счастлива бесконечно: значит, письмо мое скоро будет у Сталина и меня выпустят. И — берут меня на этап. Все, и я в том числе, уверены: еду домой. Лагерь со мной прощается, все обнимают, светлочки с собой суют в дорогу. Привозят меня на Лубянку. Прямо к Абакумову. «Это я — убийца русского народа?» — орет он. И на столе перед ним — мое письмо, постанное Горбатову. И пошла я на тридцать месяцев в одиночку. Самое любопытное, что в деле я этого письма не нашла — только пустой конверт. Еще одна загадка?

— Может быть, эта ваша поклонница передала письмо «куда надо»?

— Я тоже сначала так подумала. Но письмо Горбатов получил лично в руки — ему передала моя мама. Все это я узнала после. А тогда, в Каргопольлаге, я еще продолжала на него надеяться. Я была уверена, что, пока остается его же женой, у меня есть шанс выбраться: он им нужен. А мне из дома боялись написать правду, что Горбатов уже женился на актрисе из Театра сатиры, живет с ней в моей квартире, даже не поменяв кровати. И маму мою из дома выгнали. И вот, когда я все это узнала... Помню, иду по лагерю и смотрю на небо. А там — огромная яркая звезда. И я подумала: будь же ты проклятой! И — произошло поистине мистическое совпадение: в этот день у него случился инсульт.

Много раз, сидя в лагере, я представляла потом нашу с

ним встречу. Я знала, что ничего ему не скажу. Только посмотрю — и он тут же умрет.

— Горбатов не дожид до моего освобождения несколько месяцев. Я думаю, что его убил страх. Ему было сорок четыре года.

— Горбатов любил вас?

— О его любви ко мне рассказывали легенды. А я — не знаю. Он был такой неинтересный, неинтеллигентный.

— Сколько вы прожили с ним?

— Одинадцать лет.

— Вышли замуж потому, что он был преуспевающим писателем?

— Да что вы, когда мы встретились, он был обыкновенный правдивский журналист. Нищий. Пришел ко мне с фанерным чемоданом.

— Если вы так к нему относились, что же держало вас рядом с ним?

— У дочери все-таки был уже второй отец, потом — мы с ним еще одну девочку удочерили. Семья вел моя была арестована, о маме надо было заботиться. Не так просто решиться ломать жизнь. Но, конечно, я бы это сделала, если бы меня не арестовали. Не могла я жить в этом кругу.

— Горбатов ревновал вас?

— Не знаю, он был патологически скрытным. И он знал, что с первым мужем, режиссером кино Варламовым, я разошлась потому, что он был очень ревнив. Привозят меня, к примеру, со съемки, ассистент режиссера провожает до подъезда. Варламов тут же начинал меня душить. Это было просто невозможно. Горбатов же был очень спойнойный, а что уж он там чувствовал — не знаю.

Кроме того, на людях я вела себя безукоризненно. Все мои флирты и измены я скрывала.

— Но муж знал о них?

— Догадывался. В эти периоды я от него отдалаялась, не могла быть близкой. Но ведь это случалось не каждый день! Я ведь такой, светской жизнью всего четыре года жила. А до этого — нищета, голод и прочие ужасы...

— Когда вы изменяли, у вас было чувство вины?

— Да нет. Наверное, оттого, что уж очень он был мне неинтересен.

— А какой роман вы считаете лучшим в вашей жизни?

— С Поповичем, послом Югославии. Это было изумительно. Красив он был невероятно. Я даже собиралась уйти от Горбатову. Когда Владо передавал мне что-то по поручению Тито, я всегда спрашивала: вы за себя этого говорите или за маршала? А закончилось все довольно банально. Возвратился Горбатов из длительной командировки. Владо устроил мне истерику — чтобы я переехала жить к нему. А я истерик не переношу. В общем, мы поругались. Потом Попович из

Союза бежал — когда Тито со Сталиным поругались. Больше я его никогда не видела. У меня в жизни всегда так.

— Как сложилась ваша жизнь после освобождения из лагеря?

— Меня реабилитировали в пятидесят четвертом. Я была страшно истощена, но выглядела неплохо: к счастью, удалось сохранить зубы (в лагере я специально жевала хвою). Подлечилась и пошла к себе в Театр Ленинского комсомола. А Берсенев уже нет. Театром руководят Гнацинтава и «тячет» свою немлянницу. И она, типичная «ниженю», ираст все мои роли — героинь. А я выхожу в этих спектаклях на вторых ролях. Но, поскольку беднее ее на сцене выглядеть было просто невозможно, я порчила ей карьеру. В результате через несколько лет меня из театра уволили.

Вызвали к директору — все сидит, опустив глаза. «К сожалению, не видим для вас перспектив». Вынуждены вас сократить». Я обиделась — не говоря уж о том, что они не имели права выгонять реабилитированную. Выслушав это, я подлечилась и ушла. Гнацинтава меня догнала: «Тая, я ничего не могла сделать. Но, если вы напишете заявление в суд, вас восстановят». Никогда писать я, конечно, не стала.

Впоследствии Гнацинтава мне призналась, что к моему увольнению имел отношение Константин Симонов, зачем-то ему это было нужно. Он вообще мне массу гадостей сделал. Чего стоило его стихотворение про меня, посвященное другу — это Горбатову. Смысл там был такой: с кем ты жила, она никогда не работала, только ела и пила.

— А откуда вы знаете, что это он про вас написал?

— Так вся Москва говорила. А как Симонов мне в кино вредил! У меня бывали чудные пробы, но там, где он был в художестве, мне сидеть не давали. После освобождения мне вообще с кино стало сложнее — меня имели право утверждать только на вторые роли. Тогда «героини» начали выезжать за границу, репрессированную же выпускали никто не собирался. Короче, я нашла себе администратора и стала давать сольные концерты. Отделение — читала, отделение — пела. Так обездила всю страну.

— О чем-нибудь жалеете?

— Нет. Я счастлива, что несмотря на все ужасы, которые прошли, мне удалось сохранить, по-моему, главное — мое ощущение мира.

— Так за что же все-таки была арестована Татьяна Окуневская? Актриса, вращавшаяся в самых высоких сферах тогдашнего советского общества, она, быть может, попала в орбиту чьих-то политических страстей, на ней невольно скрестились чьи-то интересы? А может, Окуневская просто кого-то раздражала — своим существованием?

— Но все это — лишь предположения.

Актрисе «дозволено» было много. А особое отношение к ней Иосипа Броз Тито служило Окуневской надежной охраной. В апреле 1948 года ситуация изменилась. Сталин и Тито сделали врагами, защиты не стало. В ноябре того же года Окуневскую арестовывают. Была ли между этими событиями связь? И какую роль здесь сыграл Абакумов? Наверное, права Татьяна Кирилловна: истина так и останется в этом неведомом «подвале», как называет она трагическую истину своей судьбы.